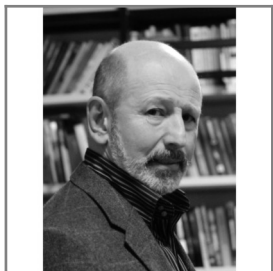

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН*

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН. Заведующий кафедрой философии и лабораторией «Наука-технологии-общество» Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23, кор. 3; e-mail: itkasavin@gmail.com

Философское понимание научного творчества не может ограничиваться анализом когнитивных способностей или способов решения задач. Оно всегда антропологически нагружено, базируется на исторически-конкретном образе человека познающего. Проблема творчества артикулирует также известный парадокс новизны: новое не возникает из старого, поскольку оно существенно отличается от него, но оно не может и возникнуть из ничего, поскольку тогда остается непостижимым. Пол Фейерабенд как раз и критикует такую «мистерианскую» концепцию научного творчества, которая подчеркивает его эмерджентность, т.е. внезапность и необъяснимость. Дистанция между субъектом и объектом, человеком и природой, знанием и реальностью в таком случае остается непреодолимой. Чтобы решить эту проблему, необходимо поместить творчество в пространство между уникальностью творческой личности и механизмами социального признания. Это, в свою очередь, требует переосмысления онтологического содержания творчества, а также понятия «труд» путем обращения к его трактовке К. Марксом как производства не только материальных благ, но и самого человека. Более того, творчество не просто формирует личность: это способ окультуривания всего социального пространства. Неожиданный ход обеспечивается обращением к новой социальной группе – прекариату, которая в науке дает урок открытости к новизне и теоретической свободы. В результате возникает более глубокое понимание социальной базы креативности, а также выстраивается новая стратегия взаимодействия научного сообщества с внепарадигмальными группами и маргинальными личностями.

Ключевые слова: творчество, наука, труд, новизна, прекариат, личность, научное сообщество

CREATIVITY IN SCIENCE AS A SOCIAL PHENOMENON

Ilya T. Kasavin – DSc in Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Head of the Department of Philosophy and

The philosophical understanding of scientific creativity cannot be limited to the analysis of cognitive abilities or ways of solving problems. It is always anthropologically-laden, based on a historically specific image of a human being that acquires knowledge. The problem of creativity also articulates a well-known paradox of novelty: the new does not arise from the old, since it is significantly different from it, but it cannot arise from nothing, because then it

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» № темы Н-424-99_2022-2023. The research was carried out as part of the implementation of the Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030” No. Н-424-99_2022-2023.

the Laboratory "Science-Technology-Society" of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 23 Gagarin Avenue, build. 3, Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation; e-mail: itkasavin@gmail.com

remains incomprehensible. Paul Feyerabend criticizes such a "mysteric" concept of scientific creativity, which emphasizes its emergent character, i.e. its suddenness and inexplicability. The distance between subject and object, man and nature, knowledge and reality in this case remains insurmountable. To solve this problem, it is necessary to place creativity in the space between the uniqueness of the creative personality and the mechanisms of social recognition. This, in turn, requires rethinking of the ontological content of creativity, as well as the concept of "labor" with reference to its treatment by Karl Marx' rethinking of it as the production of not only material goods, but also of the person itself. Moreover, creativity does not just form a person: it is a way of cultivating the entire social space. An unexpected move is provided by an appeal to a new social group – the precariat, which in science gives a lesson in openness to novelty and theoretical freedom. As a result, a deeper understanding of the social base of creativity arises, and a new strategy for the interaction of the scientific community with extra-paradigm groups and marginal individuals is being built.

Keywords: creativity, science, work, novelty, precariat, personality, scientific community

Идея и ценность творчества

Идея творчества, или креативности (их разграничение – отдельная задача; здесь они используются как синонимы), всегда опирается на определенное понимание человека и его связи с обществом и природой. И, в свою очередь, понятие творчества выполняет нормативную функцию, предписывая человеку определенное отношение к окружающей его действительности. Это понятие (наряду с такими понятиями как «свобода воли», «индивидуальная ответственность», «прогресс», «рациональность») принадлежит к универсалиям «западной» культуры и техногенной цивилизации (в понимании В.С. Степина). Именно в этом контексте оно обладает своим смыслом и ценностью. Как замечает П. Фейерабэнд, «говорить о креативности имеет смысл только в том случае, если мы рассматриваем человека определенным образом: именно он дает начало каузальным цепочкам, а не просто следует за их ходом. Именно эту идею принимает сегодня большинство "образованных" людей на Западе» [Фейерабэнд, 2010, с. 179].

Цитируемая книга Фейерабэнда называется «Прощай, разум», и под разумом подразумевается именно тот тип сознания, который свойствен современной западной культуре. В его истоках – контроверзы греческой античности, к анализу которых обращается Фейерабэнд, противопоставляя друг другу Гомера и Платона и указывая на те потери, с которыми оказался связан переход от мифа и логосу. Особенный интерес представляет в нашем случае критика идеи креативности. Фейерабэнд ссылается на известные места из «Апологии Сократа», «Федра» и др., реконструируя основания этой идеи и выводя из них следствия в отношении современности. Так, благодаря

Платону «в процесс понимания или создания некоторого произведения искусства включается некий элемент, выходящий за рамки мастерства, технического знания и таланта. Какая-то новая сила захватывает душу и ведет ее в одном случае к знанию, в другом – к произведению искусства. Если при этом предполагается, что данная сила не приходит к индивиду извне, подобно божественному вдохновению или творческому безумию, а возникает в самом индивиду и, выплескиваясь из него, преобразует мир (искусство, знание, технику), то мы получаем ту идею креативности, которую я собираюсь здесь критиковать» [Фейерабенд, 2010, с. 169].

Человек, описываемый Гомером, существенно отличается от современного человека, как его представляют философы-рационалисты, замечает Фейерабенд. Люди архаической эпохи являются совокупностями слабо связанных между собой частей. Они, если использовать эффектное выражение американского философа, «функционируют в качестве транзитных станций для столь же слабо связанных событий – сновидений, мыслей, эмоций, божественных вмешательств. У них нет духовного центра, нет “души”, которая могла бы давать начало или “порождать” конкретные каузальные цепочки» [Там же, с. 180]. Заметим, что выросшая на Дэвиде Юме аналитическая философия сознания сегодня весьма буквально воспроизводит Гомера. Она как раз и делает почти неразрешимой проблемой единство сознания, свободу воли, гармонию души и тела, отношение сознания и реальности. В этом смысле острие критики Фейерабенда направлено не на нее, а, скорее, на критический рационализм К. Поппера. Фейерабенду, вероятно, близка экологическая теория восприятия Дж. Гибсона [Гибсон, 1988], описывающая живое не как автономную сущность, но как совокупность способов встроенности в окружающий мир. Поэтому он и утверждает, что у Гомера «это отсутствие целостности индивида более чем компенсировалось тем способом, которым индивид был включен в свое окружение. В то время как современное мышление отделяет человека от мира так, что взаимодействие между ними превращается в проблему (например, в проблему сознания – тела), воин и поэт Гомера – не чужак в этом мире, а имеет с ним общие элементы. Он не может “действовать” или “творить” в том смысле, который придают этим словам защитники индивидуальной ответственности, свободной воли и креативности, но ему и не нужны эти чудеса (творения и творчества. – И.К.) для того, чтобы участвовать в окружающих его изменениях» [Фейерабенд, 2010, с. 180–181].

Предполагается, что это чудо и есть человеческая креативность. Лишь она способна преодолеть разрыв между субъектом и объектом, человеком и природой, знанием и реальностью, т.е. разрешить контрверзы, созданные всей историей западной философской мысли. Философский рационализм тем самым приходит к собственному

отрицанию, поскольку расписывается в невозможности себя реализовать иначе, чем с помощью воплощенной иррациональности – чуда.

Парадоксальность данных рассуждений Фейерабенда призвана артикулировать и заострить одно известное обстоятельство: парадокс, или эмерджентность (внезапность и необъяснимость), нового. Новое невозможно полностью вывести из старого, но, кроме старого, ничего в наличии нет. Следовательно, новое возникает без достаточного основания. Приходится прибегать к аргументам «открытой системы» и «невежества», т.е. к указанию на факторы, объективно существующие в иных возможных мирах, на периферии реальности, не проявляющие себя и остающиеся неизвестными вплоть до момента возникновения нового. Однако в таком случае познавательное творчество как процесс и результат, определяемый креативным субъектом, будь то индивидуальным или коллективным, уподобляется реальному творению мира. Субъект не просто в мысли открывает то, что есть в наличной действительности, но создает *онтологический мост* между старым и новым качеством. Свойства, внутренне присущие субъекту, позволяют миру развиваться в неожиданном направлении: в плане создания нового как аномального, контрбытийного, возникающего из ничего. И одновременно творчество выступает как некий *механизм*, обладающий определенной степенью регулярности и надежности. Пусть он и характеризуется такими качественными терминами как вдохновение, интуиция, талант, инсайт, катарсис, но именно они образуют объективное единство действующего субъекта.

Позиция Фейерабенда сочувственна к античному статусу творчества и критична к его современному варианту: «Тщеславное представление о том, что некоторые люди, обладающие божественным даром креативности, способны повторить акт Творения согласно своим фантазиям, не только приводит к громадным социальным, экологическим и личностным проблемам, оно также весьма сомнительно и с научной точки зрения. Мы должны критически взглянуть на него, чтобы дать место менее агрессивным формам жизни» [Фейерабэнд, 2010, с. 184].

Современная эпистемология, делая научное творчество своим предметом, по-новому проблематизирует альтернативы индивидуализма и коллективизма, репрезентации и конструкции [Касавин, 2010]. Творчество помещается тем самым в лагуну между уникальностью творческой личности и механизмами социального признания, мигрирует между «созданием неведомым образом того, чего нет», и «познанием того, что есть и как оно есть».

Творческий труд и миссия науки

В эпоху постмодерна в условиях широкого распространения форм научного образования, развития индивидуального предпринимательства, сетевой науки и глобальных трендов (цифровизация, международные коллаборации) резко возрастает когнитивная ценность отдельной личности. Одновременно происходит переоценка роли труда, напоминая нам о том, что это не только экономическая категория, обозначающая процесс производства материальных благ. Это в неменьшей степени и производство самого человека. Отсюда обесценивание монотонного физического труда как способа воспроизводства «безликой личности», и одновременно возвышение творческого труда, порождающего знающего и умеющего, самостоятельного, ответственного индивида. Вместе с тем наука весьма ограничена в своем влиянии на конкретного индивида, его мысли и поступки. Его жизненный мир – это огромное количество разнообразных факторов, среди которых когнитивные способности являются лишь одним из многих. Поэтому задача научно-философского анализа фокусируется на изучении совокупных причин и условий формирования креативности, включая социальное окружение, историко-культурный и ценностный контекст, а также когнитивные факторы. Эта первая задача является дескриптивной и подготовительной для решения второй, а именно проектирования базовых параметров новой «идеологии креативности». Тем самым предполагается разработка фундаментальной структуры научного мировоззрения, в рамках которого креативность, творчество, поиск нового, постановка сверхзадач, аккумуляция коллективных творческих потенциалов, создание креативных проектов в социальном пространстве становится высшей ценностью. Влияние современной технонауки и научного образования на формирование творческой личности создает ее «габитус» (П. Бурдьё) – главное направление ее развития. Предстоит заново пересмотреть полузабытый Гумбольдтовский идеал университета (и шире – науки вообще). Важнейшим преимуществом научно-образовательной стратегии Гумбольдта стала «фиктивность» университета как социального института. Он был противопоставлен таким известным институтам, как церковь, армия или тюрьма. Его образовательная повестка не определялась институциональными интересами (прежде всего, задачей самовоспроизводства института), а значит, оказывалась гибкой и не ставила целью сохранение status quo.

В то же время именно отказ от «фиктивности» и становление университета как «реального» социального института стали важнейшими симптомами кризиса в современном академическом мире. Ярким выражением этого кризиса выступает приоритет количественных индикаторов результативности образовательного и научного процесса.

Стратегия современного университета определяется «устремленностью в будущее». При этом сам образ будущего всякий раз оказывается пустым, он не имеет реальной референции. Как следствие, «устремленность в будущее» не сулит определенности в понимании миссии университета. В то же время гумбольдтовский проект предполагал, что университет является пространством актуализации человеческого потенциала. Новое обращение к идее «гумбольдтовского человека» позволяет сформулировать альтернативную миссию университета и соответствующую стратегию университетской реформы в современном мире [Тухватулина, 2021]. Университетский человек и человек науки – это субъекты науки и образования как форм общественного блага, как триггера общественного прогресса. Творчество не просто формирует личность: это способ окультуривания всего социального пространства.

Креативность как социальный феномен

Формирование и осмысленное существование творческой личности как социального субъекта вписывается в современные представления о вторичной модернизации, социальном государстве и динамике социальной структуры. Эти социально-философские и теоретико-социологические концепции, в свою очередь, опираются на новые философско-антропологические идеи. В частности, речь идет о личностных трансформациях в условиях роста прекариата [Standing, 2011; Тощенко, 2015] – крупной социальной группы (класса), отличающейся принципиальной неопределенностью и изменчивостью. Последние десятилетия ученые диагностировали существенное изменение характера труда и его оценки в жизни общества. Так, Д. Грэбер апеллирует к функциям труда, которые связаны не с его производительностью, а с тем, какой эффект труд имеет для развития человека и общества [Graeber, 2001]. Это напоминает известную идею К. Маркса о труде не только как способе производства материальных благ, но и как способе производства самого человека. В таком случае примитивный и монотонный труд утрачивает всякую ценность и должен быть замещен соответствующими технологиями. В отличие от него, творческий труд, способствующий самореализации человека, приобретает ценность сам по себе, вне зависимости от денежной компенсации и выходит за пределы экономических категорий. И если примитивные формы труда поработают человека, то творческий труд делает его свободным. Это, однако, грозит подорвать экономическую и политическую структуру современного капиталистического общества, основанного на собственности и власти. Новый путь к свободе через изменение характера труда нуждается в новом социальном субъекте. Это должен

быть класс, не просто лишенный собственности и власти, подобно пролетариату конца XIX в. Скорее, такой класс открывает для себя новые экономические ниши, изменяет характер труда, приносит с собой небывалую социальную динамику и революционизирует общество изнутри.

Опасность появления такого класса уже осознается социальными учеными, которые делают предметом своего исследования прекариат. И это не только экономисты и социологи, но и психологи, социальные антропологи, правоведы и философы. Важнейший момент – это контекст, в котором рассматривается феномен прекариата: это ситуация постмодерна. Прекариат выступает как феномен, который в полной степени демонстрирует свойственную постмодерну нестабильность, неопределенность, непредсказуемость нашей жизни. Как оценивать, интерпретировать ситуацию постмодерна, какие прогнозы из нее делать? Есть мнение, что постмодерн – это что-то вроде нового средневековья. Так, эпоха между XIII и XVI вв. в Европе характеризовалась очень высокой степенью нестабильности. Это были постоянные войны, эпидемии, голод, разруха. Население Европы за три века уменьшилось в два раза. Практически все люди той эпохи пребывали в состоянии миграции. Ремесленники, священники, военные, врачи, печатники, купцы, моряки – все работали в пути. Путешествовать было трудно и опасно, но еще более опасно оказывалось оседлое существование. В оседлом состоянии людей могли легко настичь, ограбить, подвергнуть насилию, убить. Лучнику на лошади легче поразить неподвижную мишень, чем другого всадника. С точки зрения безопасности и даже экономической выгоды постоянная миграция имела свои преимущества. Завершению этого процесса способствовали ранние буржуазные революции, то есть изменение социально-экономического уклада всей Европы.

Нынешняя эпоха отличается особой легкостью коммуникации и передвижения. Сегодня ничего не стоит связаться с человеком на другом континенте, за сутки долететь из Европы в Австралию или в любом месте получить посылку из Китая. Авторы, писавшие о постмодерне, вводили соответствующие понятия – «жидкий мир», «война с пространством» и т.д. [Бауман, 2008]. Новый динамичный класс – прекариат – порожден именно этой эпохой. Для обозначения феномена прекариата используются сегодня разные термины. Это, например, «фрирайдер», то есть человек, который потребляет общественные фонды, при этом ничего в них не вкладывает. «Фриттер» – это термин, придуманный в Японии; это человек, который живет свободно, не связывает себя никакими обязательствами. «Фрилансер» – исполнитель отдельных поручений, услуг и работ без постоянного договора. Поколение НЕЕТ – поколение, отказывающееся от обязательств. Есть еще один японский термин – *parasito synguru* –

паразит-одиночка, человек, который живет за счет кого-то – семьи, жены, отца, мужа, детей.

Нестабильность прекариата в отношении постоянной занятости делает его группой не только ущемленной и угнетенной, но и свободной (free) от постоянных трудовых обязанностей. Некоторые элементы мировоззрения прекариата свидетельствуют, что он одновременно освобождает себя от стереотипов классической семьи, от привязанности к какой-то конкретной конфессии; естественно, от обязательств, которые налагаются профессией, и от привязанности к правящей идеологии. Что это за люди?

Обычно их именуют профессиональными маргиналами. Но можно с некоторой степенью риска назвать их и социальной базой миллиардеров. Стив Джобс со своими стартапами, «гаражной наукой» – кто угодно, но только не классический ученый. Скорее, он – инженер прекарного типа, который работал самостоятельно, взял и придумал Айфон – современный Никола Тесла. Примерно так же сделали Google, Facebook, Microsoft и многие другие высокотехнологичные компании. Их создавали не по классическому типу, не в рамках института классической науки, не приходя на работу по расписанию, не расписываясь в ведомости за 8 часов в день, а совсем иначе. Настоящие открытия и изобретения, кстати, всегда делаются в условиях ненормированного рабочего дня и везде, где ученого застанет новая идея. Для этих людей самое главное не стабильность, а другое слово, которое начинается на ту же самую букву, – свобода. Быть может, прекариат – это социальная база нового свободного цифрового общества, сгруппированная. Впрочем, прекариат не монолитен, он сам требует структурирования. В качества основания типологии мы возьмем не «имманентные качества» этого класса, но типы отношения к нему государства. Тогда мы получим два типа: прекариат 1.0. и прекариат 2.0.

Первый тип государственной политики в отношении прекариата можно квалифицировать как игнорирование, маргинализацию и отторжение данного феномена вообще. Это толерантность в отношении к неизбежному злу – неудачникам по жизни. Примерно так прекариат 1.0. трактовали идеологи классического социального государства в эпоху Отто фон Бисмарка, которое предоставляет минимум социальных гарантий в виде пенсий и социального страхования, ничего от этих людей не хочет и не ждет. Второй тип отношения государства к данной социальной группе предполагает иное понимание человека: как творческой потенции, которой нужно просто дать шанс. Тогда это уже прекариат 2.0. Современное социальное государство не ограничивается подаванием на бедность, ничего не требуя взамен, но помогает с расчетом на позитивный эффект, положительную обратную связь (удочка вместо рыбы). В таком случае государство предоставляет прекариатам стартапы для развития, стимулирует гибкую занятость, развитие творческих профессий. Это инвестиции

в формирование творческой личности, способной не только реализовать и обеспечить себя, но и двинуть экономический, политический и социальный прогресс в направлении толерантного, демократического, свободного общества.

Однако научный прекариат требует уточненной типологии – с точки зрения прижизненного успеха научных достижений, с одной стороны, и отклонений от мейнстрима, нарушения научного этоса, с другой. Прекарии 1.0. могут быть относительно обеспеченными людьми, которым не удастся привлечь внимание современного им научного сообщества; они воскрешаются из небытия благодаря лишь дотошным историкам. Г. Мендель, А.Ф. Можайский, К.Э. Циолковский, П. Ферма были учеными-любителями, главные достижения которых признаны лишь посмертно. Прекариат 2.0. включает, напротив, ученых, которые выступают против научного мейнстрима или наращивают успех с помощью обмана. Они порой даже подвергаются политическому давлению, но в любом случае не укладываются в рамки какой-либо научной дисциплины как в идейном, так и в институциональном смысле (Л.Н. Гумилев, Г.П. Щедровицкий, А.Т. Фоменко). Среди известных естествоиспытателей такого рода биолог Э. Геккель («биоэнергетический закон»), химик Л. Пастер с подтасовками в вакцинации овец, физик Р. Блондло с фиктивными N-лучами, археолог Ч. Доусон («Пилтдаунский человек»). Будучи замечены в фальсификациях и ошибках, они при этом сохраняют значительный научный авторитет. Их пример способствует изменению образа ученого вообще. Девиация, скандальность, публичность оказывается значимым элементом постнауки вообще, выходящей из тиши кабинета и библиотеки в социальное пространство и провоцирующей мировоззренческие сдвиги.

Итоги

Что дает исследования феномена прекариата для понимания научного творчества и формирования творческой личности? Полагаю, что результатом может быть более глубокое понимание социальной базы креативности, а также выстраивание стратегии взаимодействия социальных институтов науки с личностью такого типа. Во-первых, феномены творчества, креативности утрачивают эфемерность скрытых «когнитивных качеств» и связываются с определенными паттернами деятельности и коммуникации. Во-вторых, творческий результат начинает рассматриваться не автономно, а в контексте его научной легитимации и социального эффекта. И в-третьих, диалог нормального научного сообщества и научного прекариата выступает единственным средством для того, чтобы интегрировать прекария в институт науки

и одновременно учиться у него. Тогда научный прекариат из угрозы науке станет фактором ее развития.

Интегрировать прекария значит организовывать его взаимодействие с нормальным научным сообществом путем особого типа трудоустройства: краудсорсинга, фриланса, самозанятости. И здесь же вовлечение его в науку путем научной популяризации науки, профессиональной переподготовки, сетевизации и цифровизации образования.

Учиться у прекария значит перестраивать само научное сообщество на пути «открытой науки», изменения критериев оценки научного результата, широкого участия ученых в публичных проектах, отказа от обязательной аффилиации («независимый исследователь = нормальный исследователь»).

Теоретическим итогом таких исследований и практик может стать новая идеология креативности. Это научное мировоззрение, которое, вместе с тем не полагает жестких иерархий и дихотомий. Ему уготована ключевая роль в системе когнитивно-социального обмена с положительной обратной связью. Мы, исследователи феномена творчества, сами должны быть творческими, чтобы создать творческую личность, которая в свою очередь изменит социум для создания новых творческих личностей. Отсюда девиз: «Изменяй социум так, чтобы он сам стал триггером инноваций».

Я процитирую последнюю фразу из книги Гая Стэндинга «Новый опасный класс» в моем переводе: «Прекариат – не жертва, не деревенщина и не герой. Это просто большинство из нас». И добавлю от себя: это угнетенный и одновременно самый прогрессивный класс. Он требует себе свободы и может освободить все общества для более осмысленной и творческой жизни.

Список литературы

- Бауман, 2008 – *Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- Гибсон, 1988 – *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 461 с.
- Касавин, 2010 – *Касавин И.Т.* Познание и творчество // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIV. № 2. С. 5–16.
- Тощенко, 2015 – *Тощенко Ж.Т.* Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
- Тухватулина, 2021 – *Тухватулина Л.А.* Гумбольдтовский человек vs утопия будущего: о миссии университета в современном мире // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 47–50.
- Фейерабенд, 2010 – *Фейерабенд П.* Прощай, разум. М.: Астрель, 2010. 477 с.

References

Baumann, Z. *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Sankt-Peterburg: Peter, 2008, 240 pp. (Trans. into Russian).

Feyerabend, P. *Proshchay, razum* [Farewell to Reason]. Moscow: Astrel, 2010, 477 pp. (Trans. into Russian).

Gibson, J. *Ekologicheskiy podkhod k zritelnomu vospriyatiyu* [The Ecological Approach to Visual Perception]. Moscow: Progress, 1988, 461 pp. (Trans. into Russian).

Graeber, 2001 – Graeber, D. *Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams*. New York: Palgrave, 2001, 168 pp.

Kasavin, I.T. “Poznaniye i tvorchestvo” [Cognition and Creativity], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2010, vol. xxvi, no. 2, pp. 5–16.

Standing, 2011 – Standing, G. *The Precariat. The New Dangerous Class*. London, New York: Bloomsbury Academic, 2011, 198 pp.

Toshchenko, Zh.T. “Prekariat – novyy sotsialnyy klass” [Precariat: A New Social Class], *Sotsiologicheskiye issledovaniya – Sociological Studies*, 2015, no. 6, pp. 3–13. (In Russian)

Tukhvatulina, L.A. “Gumboldtovskiy chelovek vs utopiya budushchego: o missii universiteta v sovremennom mire” [Humboldtian Man vs Utopian Future: On the Mission of University in the Modern World], *Voprosy filosofii*, 2021, no. 11, pp. 47–50.